

Роман Валерия Радомского

Я - душа Станислаф!

КНИГА ВТОРАЯ

Валерий Радомский

Я – душа Станислаф!

Книга вторая

«Издательские решения»

Радомский В.

Я – душа Станислаф! Книга вторая / В. Радомский —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-501066-7

«...Человеку невероятно трудно осознать, что единственной непреодолимой силой в этом мире является смерть. И он, и его родные и близкие — существа смертные. Поэтому проблематика зла — есть прежде всего проблема смерти. Но как понять, по какому такому закону смерть, т.е. зло, выбирает себе жертву? Почему его добычей становится 16-летний мальчик? И где искать справедливость в этом изначально несправедливом решении то ли судьбы, то ли Творца, то ли Дьявола» — литературный редактор Владимир Карпий

ISBN 978-5-00-501066-7

© Радомский В.
© Издательские решения

Содержание

ВАЛЕРИЙ РАДОМСКИЙ	6
...Я – ДУША СТАНИСЛАФ!	7
Роман	8
КНИГА ВТОРАЯ	8
Глава первая. Знамение Господа: кесарь!	9
Глава вторая. Игла, ...в стогу на берегу, или – в душе утёса	20
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Я – душа Станислаф! Книга вторая

Валерий Радомский

© Валерий Радомский, 2019

ISBN 978-5-0050-1066-7 (т. 2)

ISBN 978-5-4496-1634-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВАЛЕРИЙ РАДОМСКИЙ

...Я – ДУША СТАНИСЛАФ!

Роман

КНИГА ВТОРАЯ

Глава первая. Знамение Господа: кесарь!

... Староверы – бороды длинные, рыжевато-коричневые и седые, и грубые чёрные платки, расцветенные глазами, – кто, ещё молясь, а кто, не оплакав Катю и Савелия Фроловича Знака до полного смирения в душе, возвращались с поселенческого кладбища.

Первый летний месяц, июнь, был совсем близко, в двух календарных днях, как и посёлок – чуть ли не в двух шагах. Но солнце забралось высоко – не достать сырой прохладе земли, которой отдали умерших. О земле и говорили иные: откуда явились на свет божий, туда и вернулись. Жаль, что Катю Господь призвал к себе так рано, да у старика Савелия на это лето были свои, отцовские, планы: сыновья, старший и средний, ещё не женаты. «А давно пора, – так всем и говорил с прошлой осени, – ...пора!».

У своих дворов семьи, молча, стали расходиться по хозяйским делам.

Фёдору незачем было больше торопиться и не к кому. Он стоял между двумя могилами, жены Насти – заголубевшей прострелами сон-травы, и дочки – только-только наброшенной. Здесь он посадит, может, даже завтра эту же, бархатистую и приятную цветками, траву, чтобы ничто, кроме Господа, не потревожило сна Катеньки. Его борода не просохла от слёз и казалась длиннее, разбавив густой чёрный цвет воронёным блеском. Глаза глубоко запали, будто прятались от света, да и как иначе: если белый свет не мил!

Зла на соседа Фёдор не держал – его Господь наказал тоже, хотя старик и не желал Катеньке смерти. Это понятно: стрелял он не в неё. Только откуда у Господа такая звериная жестокость? Только лишь потому, что дети его?.. Но ведь – дети, а не исчадие ада! Или исчадие ада – то самое, что ткнуло его днями ранее лицом в землю, у ручья, и сотворило с соседом немислимое вчера, оно и не на небесах вовсе?!..

Фёдор стоял, разрываемый с двух сторон, невысказанной, потому и давящей теперь, болью сердца, и не мог, не хотел запретить себе думать об этом. Особенно, сейчас, когда эта боль в нём задавала насущные, но каверзные вопросы не Господу, а ему: мужу, двумя годами ранее схоронившему жену молодой и безгрешной, и отцу, чья дочь ослепла после этого, а теперь и не дышит вовсе. И как ответить самому себе, если вверил свой разум Господу, и что ответить, если сам видел исчадие ада, блаженно дремавшим на коленях у Катеньки?!

А исчадие ада подбежал тем временем к Фёдору со стороны могилы его дочери, и сел на задние лапы, склонив голову. Так скорбят люди!.. И Фёдор ничему не удивился: ни появлению, рядом с ним, чёрного волка, помеченного серебром шерсти на морде, двумя рваными полосками ниже правого уха, и пулей Савелия Фроловича на боку, ни тому, как Шаман подбежал, западая сильно на переднюю правую лапу. Их взгляды лишь коснулись, но для того, чтобы

заявить каждый о себе немим присутствием. И оба они не напугали друг друга, и не мешали друг другу. Когти Шаман спрятал в землю, но уши – подняты, а клыки зачехлены лишь молчанием.

Так, молча и без единого звука, не понимая того, но ощущая, они друг другу прощали. Шаман – Фёдору, за недавнее, у ручья, намерение его убить, а Фёдор – Шаману, за божью кару соседу: неизлечимая хворь преследовала того в годах, однако месть волчьей мордой заманила и, не пугая, загрызла. И хворь, и старика Савелия Знака.

В поселение староверов они возвращались вместе, и оба – домой. На просеке, вдоль заборов, стояли бородатые мужчины – кто с ружьём, кто с вилами или лопатой, – из глубин дворов на них глазел суеверный ужас женщин и детей. В рослом, сильном и вызывающе спокойном и красивом волке абсолютно все видели знамение Господа. Каждый истолковывал его по-своему, и про себя, однако так, как смотрел на них зверь – видел всех и видел каждого, так мог смотреть или земной демон, а тайга для таких – дом родной, или её, тайги, истинный кесарь. Каменный взгляд Шамана разбивал страх перед ним, и также, зримо, подчинял их эмоции, оттого на неподвижных лицах зарождался рассвет ещё одного божьего проведения...

У дома Кати Шаман пронзительно горестно взвыл – Фёдор, теребя броду, смотрел вопрошающе, как уходит в тайгу волк его былой безмятежности. Кто же ты, божья тварь, если Господь не позволил тебе стать собакой Кати? С этим он и вошёл в дом. Притянул за собою дверь, а она не закрылась... Знамение? Не иначе, как Господь открыл дверь! И Фёдор снова ступил на крыльцо. Осмотрелся вокруг, присмотрелся вдаль: сыновья Савелия Знака, все трое с ружьями, наперевес, юркнули в березняк. Хотел было перекреститься, да не стал это делать – кесарю кесарево, а Богу Богово!

Ручей на перекатах то ли смеялся – не понятно, над чем, то ли шептался – непонятно, с кем, а Шамана донимала боль, и та, что незримой цепью удерживала его здесь, в двадцати прыжках от Катиного двора – ещё вчера в нём визжала от безудержного счастья преданная собака, слюнявя добродушной девчонке ласковые пальчики и нежные щёки. За это её и сразила пуля, и не дура – словеса это человечьи, и тайга им этих слов не прощает тоже.

Отверстия от пули навывлет больше не кровоточили, и Шаману лишь требовалось подольше отлежаться. Он знал, где может укрыться от вокруг рыскающих глаз, и кто постережёт нужный ему покой. Путь всё же не близкий, а чьи-то новые запахи следом за ним зашли в тайгу и теперь кружат недалеко.

Изгибы ручья, свалы и валежники увели его от поселения староверов, но не от сыновей Савелия Знака – раненый Шаман не мог уйти быстро и далеко. И уходить ему далеко от воды было совсем не желательно. Он не питался мясом, потому никогда и не охотился. Вода, озера или ручья, давала ему жизненную энергию таёжного волка. Если он этого и не знал, то об этом знала вода, и не жалела себя для него. Потому даже в этом незнании была его сила терпения и выносливости, но вместе с тем эта же сила усложнила теперешнее положение. Уйти от ручья далеко – умереть, а не уйти от него, значит, выдать себя не сейчас, так со временем. И эту дилемму нужно было решить, как можно быстрее – два ружейных выстрела, сухих звуком, уже подружили хрусталь ручья, и они не последние.

Вечерело, когда Шаман остановился, чтобы напиться. Место для этого было подходящее – безопасное: ручей оброс с обеих сторон колючим барбарисом. Ветвистый и розовый, кустарник всё ещё тянулся к небу, но вширь разросся – можно лишь подойти. Отсюда он и нападет...

...И спустя полчаса трое староверов, распаренные влажным теплом и изрядно уставшие от маневров осторожности и скрытости, подошли к барбарису с двух сторон. Окликнув друг друга, прошли полосу кустарника и прострелили его, отойдя на безопасное расстояние. Дробь срубила тонкие ветви, а звук трёх выстрелов прокатился по тайге эхом, всполошив где-то

совсем рядом больших птиц. Прислушались, подождали – Шаман выполз из-под корней; прислушался, подождал – пора: его разбег был коротким, прыжок мучительным, но верным.

...Череп старовера под верхними клыками Шамана треснул, как сухая ветка, а нижние клыки сломали ему подбородок. Ободранные израненные руки и, особенно, такие же пальцы пытались что-то сказать судорожной болезненной дрожью, перед этим выронив ружьё. Но братья ушли вперёд и слышали только трескотню сорок, задрав головы вверх и созерцая веерообразный полёт чёрно-белых птиц, не ведая о том, что зло умеет летать на крыльях ненависти, а вольным полётом заворачивать, намеренно отвлекая. Ненависть братьев подгоняла и торопила их, а тем временем смерть принимала в свои объятия родного им человека...

Шаман снова залёг в барбарисе. Ему не нужно было гнаться за кем-то, как гнались за ним – братья вернулись и очень скоро. Их встревоженные голоса побеспокоили тайгу, и торопливых шорохов и пугающего треска добавилось. Сумерки ждали всего этого, и ночной охоты – тоже, гораздо раньше звёзд на небе: тайга пахла свежей кровью...

По следам крови староверы нашли своего брата. И то, что осталось от его головы, заставило их опустить ружья и пасть на колени. Наконец, они пришли к знамению Господа, хотя не его они искали. И что теперь: что сказать матери, детям Макара и его жене перед Богом? Оба брата не желали, потому не решались, смотреть друг другу в глаза – взгляд каждого заблудился в ярости, а она вдруг схлынула и пролилась покаянными слезами. А страх – тут как тут, а ужас заполз гадюкой под взмокшие рубахи. И молитва не помогала...

Ну, вот и она – рысь заметила Шамана раньше и вышла из-за укрытия, чтобы он её увидел. Увидел – опять залегла за упавшим стволом сосны. В двух прыжках от неё братья в скорбной оторопи мастерили что-то похожее на носилки. Молчали, тягостно и покорно, будто их здесь нет и не было. Да рядом в чернеющей от заката крови лежал мёртвый брат, и порванное на стоны и горестные вздохи дыхание выдавало их присутствие. А Шаман уже стоял за их парующими суеящимися спинами, широко раскинув лапы и низко опустив голову. Его каменный взгляд нельзя было не прочувствовать – братьев будто кто-то толкнул в плечи. Они встали оба и одновременно. И ни один, ни другой не осмелились потянуться к ружьям, прислонённым к желтоватому стволу сосны. Такого же цвета пятнистая рысь, прижимаясь к земле, на гибких и упругих ногах подходила к ним спереди.

Кривой луч солнца, прощаясь до рассвета, заглянул в глаза братьям мрачной ясностью их положения, и они, наконец-то, взглянули друг на друга. Осмысленно и сочувственно!..

...Из тайги братья выходили березняком, ранним утром. Их лица были темны, как и бороды, а взгляды затравленными испугом и болью. Правая рука обоих была согнута в локте и прижата к груди. Носилки с окоченевшим телом брата Макара удерживали их левые руки и ремни их ружей на плечах. Обе руки, правые, прокусил Шаман. Насквозь – клыками. Будто знал, что ими братья нажимали на спусковой крючок, когда стреляли по нему.

От Автора.

Макара, младшего сына старовера Савелия Знака, похоронят рядом с отцом. Небеса не станут безмолвствовать – прольются густым дребезжащим дождём, а тучи перекрасят полдень в промозглый тоскливый вечер. Возлагая на себя крест, братья прочувствуют сверлящую душу боль и она, терзая волю, будет жалить их всякий раз, как только два пальца правой руки будут возложены ими себе на лоб. (Бога нельзя убить, но его убивают в себе верой в непогрешимость...). Их ружья изрезанная морщинами прожитых лет старушка-мать отнесёт туда же, куда и карабин Знака-старшего: в кладовую под замком. Там они и поржавеют, без должного ухода и ненадобности.

Лето Шаман встретит в компании рыси и её рысёнка. Рысёнок выжил, но клыки воина Лиса, поиздевавшиеся над ним днями ранее, обездвижат его задние лапы и лишь передними он сможет волочь по тайге своё беленькое жалкое тельце. Впервые Шаман погонится за прыгучим ушастым зайцем, не сразу догонит его, но с этой минуты для рысёнка он станет всем: и его кормильцем, и его защитником. Даже от его матери, взрослой рыси.

Взойдут десять Лун, а на десятый рассвет новый кесарь тайги, в ком привнесённая самой же тайгой боль отшлифует его клыки и когти до смертоносного жала, понесёт белый пушистый комочек в зубах, трезвоня далеко слышным писком – иду на вы..., но не один! Мать-рысь последует за ним, стремительно перебегая с места на место, отдыхая в засадах, и перебегая снова. И птицы над ними не разбросят крылья в свободном полёте на протяжении всего пути к Кедрам – хвоя сосен и елей будет протяжно шипеть, а листва осин и лиственниц зловеще рычать...

...Придавлив горлицу лапами, Лис передними зубами расправлял ей крылья и, изловчившись, выдёргивал палевые перья, одно за другим. Чуть придушенная птица не сопротивлялась, и это только злило вожака. Но не больше, чем неопределённость с белой волчицей, не ушедшей в тайгу со своим братом, чёрным волком, чей взгляд сдерживал в нём ярость, будто она упиралась в камень. И от этого ненависть к нему сжигала изнутри. Пришлый волк снова укоротил цепь стаи, и в ней лязгающих зубами звеньев на два стало меньше. А эта живая цепь из быстрых и резких безжалостных лап, и бесчувственных клыков – не только самый драгоценный скарб стаи. Это – цепь власти Лиса и порядка на его территории. Власть ещё у него, и надолго, да шесть смертей воинов за три месяца – это непорядок!

Вдавлив лапой сизую головку горлицы в землю и не дождавшись агонии отлетавшей своей пернатой жизни, вожак, задрав хвост, как можно выше, подбежал к своим воинам – к пятерым, кто отдыхал невдалеке. Другие с утра ещё заползли в логово, к своим волчицам и волчатам – будут нужны, тогда и прибегут на зов. Призывая следовать за ним, зловеще лязгнув зубами, он повёл волков за собой, на бегу стряхивая с желтоватых резцов пасти застрявшие в них перья горлицы.

(Лис не торопился проведать белую волчицу, но и всё это время, после неудачной атаки на рысь и её заморыша, выжидал момент: вернётся ли её брат. Не вернулся, и сегодняшней погожий день и был тем самым выжидаемым моментом. Лаз в логово волчицы воины нашли, только из него веяло и запахом не из тайги, потому Лис и не позволил никому туда проникнуть. И сам тоже не стал этого делать – чудовище из озера многому его научило).

...Со стороны тайги волки обложили собой подход к утёсу – залегли в прыжке друг от друга под её сумрачным пологом, вжимаясь в зелёный ковёр мхов, в местах, где проросли черника и брусника. И мышшь не проскочит, а белая волчица уж точно – не мышшь!

Лис укрылся за воинами, из неглубокого прогиба покрова ему хорошо был виден утёс со стороны озера. Боковой ветер вскоре принёс и раскидал повсюду запах волчицы, но волнение воинов вожак вмиг пресёк. В этот раз её судьбу нужно наконец-то решить, или пленив, или убив. И потерять кого-либо еще из воинов было нельзя – стая обмельчала, ошеломлена дерзостью пришлых волков и даже напугана.

Лис не потерял контроль над территорией стаи, но за последнее время ронял периодически свой авторитет среди высокоранговых волков. Есть в этом и его вина – чужаки пришли не убивать, а ему до сих пор не удалось убить их. И, тем более, на его территории. Не помогла и коварная хитрость: жуткая смерть большого и сильного человека на утёсе, весной. Лис видел, тогда, как оттуда, спустя два заката, уносили ноги трое охотников, хотя до этого и стреляли в брата белой волчицы. А должны были убить, так как за вырванное у большого человека горло и отгрызенную руку иного исхода, вроде, не должно было быть. Но что-то не так сделал Лис,

или кедрачи как-то прознали всё же, что пришлый волк здесь не при чём – человека загрыз ведь он. И ружьё его тоже утопил он, сбросив с утёса в озеро.

С уходом Шамана Марта загрустила. Тревожность от пещеры отгоняла Игла, охраняя её покой и ночной сон своей острой и длинной костяной мордой. Торчащая из воды, она в любой момент могла наколоть на себя любого, кто бы или что бы не приблизилось к белой волчице. А ещё лунообразный хвост, и такой же серебристый по ночам – отшвырнёт им только, как лису, что недавно заползла в пещеру через лаз, а скальная порода стен сама уьёт, переломав все до единой косточки, как и ей тогда.

Непредсказуемо опасная и сильная рыбина, но с Мартой добреет и даже не кажется такой большой. Правда, поднырнув в пещеру днём, долго в ней не задерживается. Струсит со своей пики окуня или щуку перед её мордой, а взглядом здоровенных тёмно-синих глаз не иначе как подвинет к ней ближе да, заодно, и на лапы поставит – ешь. Только не голодна она уже давно. С тех самых пор, как проводила и простилась навсегда с братом – не голодна и резвиться не хочется. Поэтому и в тайгу, размять лапы и потренировать когти, выбегала после этого два раза, всего-то. Игла хорошая и заботливая, но спокойно с ней лишь до той поры, пока молчит тайга. А закурлычет, заурчит, или уж, как залает тайга – всё одно и тоже: ждёт Шамана. А вдруг брат вернётся!

Пробравшись сквозь частокол кривых берёз и раскидистых и пахучих от цветения кустарников, Марта уныло спустилась к озеру. Здесь с Шаманом им было весело. А сейчас весело желтеющему берегу и запыхавшимся от бега волнам: волна догоняет – берег убегает, убегает волна – за ней гонится берег. Так же и они с братом, еще не так давно: он убегает – она догоняет... а охотился, только играя. По-настоящему охотиться не хотел, ни на кого – лакал воду, часто и помногу, и ему её хватало, чтобы не измазаться чьей-то кровью.

Марта пробовала не убивать – пять лун только пила воду из озера и ручья, а потом клыки занули и саму себя стала драть когтями от этого. Зачем они тогда вообще, клыки и когти, если заяц под каждым кустом. Да и человек тогда совсем озверевает и погонит из тайги – ему скучно станет жить!

Волчица лакала воду из озера и готовила себя к тому, что сейчас, где-то совсем рядом, Игла легонько проколет рябившую поверхность, а затем так ударит по ней своим большущим хвостом, что ей не нужно будет после этого и плавать. Рыбине нравилось так делать, а Марта пугалась лишь поначалу. Ну, давай, где ты – покажись... Но Иглы нигде не было видно, только волны и берег щекотали лапы, а ветер приглаживал шерсть.

...Лис один выбежал из тайги. Его воины к этому времени перекрыли Марте отходы: к пещере, в логово, и береговую кромку справа от неё. А в тайгу волчица не побежит – это желательно, да не побежит. Там – стая...

Вожак приближался и, если бы не высоко поднятый хвост и знакомая Марте, изуродованная ею же, морда – разжиревшая лиса. До неё – два прыжка, и она вжалась в песок, изготвившись. Коготь на её правой лапе опалил сабельным блеском Лиса, не усмирив всё же его угрожающее рычание...

После того, как кедрачи нашли Матвея, бесчувственным, в берёзах под утёсом, он неделю не показывался на люди. Хотя все ждали, что поправится и расскажет, как он там оказался, если его «Амур» обнаружили рыбаки далеко от того самого места. Решили сначала, что Зырик утоп и весь посёлок подняли на ноги. Нашли Матвея рано утром, на следующий день. А он молчит с того самого времени, залёг в доме, точно медведь в берлоге, и даже Ульку, жену свою, не хочет видеть – жаловалась она соседям.

Спать больше не хотелось, как только не укладывался Матвей на своей скрипучей кровати. А глаза хоть закрыты, хоть открыты – он там: в Аду! И те же черти волчьими лапами шоркают по полу. «Не-е..., не-е..., – убеждал себя Матвей, – это не галюники, не-а-а... Я там был, а теперь тута – зырю ведь: тута, дома! А там зырил и попика лохматого, Шамана – во бля... привязался!...». Он ворочался с боку на бок, клал на лицо подушку, да каменный взгляд чёрного волка давил и через неё.

Матвей нервно поднялся с постели. За столом, не видя ничего, кроме графина с водкой, налил горькой в чайную чашку – не почувствовал, что выпил, и налил ещё.

– Так ведь и кони не долго двинуть! – в слух заметил и пожаловался, опять же, сам себе.

Сигаретный дым застил глаза, но что эта мимолетная неприятность, когда, побывав в Аду, теперь пухнет голова, почему его вернули оттуда в Кедр? Предупредили, что поджарят – это и к бабке не ходи! Но зачем вернули? Может, он теперь и не Матвей Сидоркин вовсе, а, почитай, ангел или архангел – когда-то, в зоне, читал про них, чтобы как-то и чем-то убить заблудившееся в тюремном сроке время, да хрен что в голове задержалось из прочитанного тогда: кто – ангел, а кто – архангел?!

...Матвей шёл центральной улицей и его единственным желанием было, чтобы его не заметили, не признали – оставили в покое. Он направлялся к Йонасу, а он мог знать – должен знать, что это такое – Шаман, откуда и почему он здесь появился? О чём-то догадывался и сам Матвей. Причём, эти его догадки сохранили ему жизнь: не утопили в озере, когда от неожиданности он пальнул в рыбину-меч; наоборот, показав ему Ад и заставив не просто плакать – рыдать белугой и испугаться, как никогда до этого, сейчас только ускоряют его шаги и ничего в нём этому не сопротивляется. А уж как, и сколько раз, он пытался докричаться до кедрочей – амба: теперь не будет так, как прежде..., да куда там, услышать, если их уши забиты...хочу, хочу и, ещё раз, хочу!

Йонас, окатив водой из ведра свой палевый «Крузак», не поставил ведро, откинул – рад, ух, как рад Зырику! Особенно, после случившегося с ним неделю тому назад. Может, пришёл к нему первому, чтобы рассказать подробности. Но Матвей просипел о другом:

– Дуй за своей электронной малявой – базарить будем по-взрослому!

Никуда идти не надо было – планшет Йонаса лежал на водительском сидении внедорожника. Но крылатые брови литовца ответили изумлением. Матвей незлобно выругался, а вспомнить и проговорить нужные и подходящие для этой ситуации слова удалось не сразу. Вспомнил и подобрал-таки – Йонас извлёк планшет.

– Ходь за..., не-а! Иди за мной.

«...Зацепи, ...прихвати, ...возьми ружьё», – сказав это, Матвей немало удивился тому, что, как не просто, оказывается, сказать что-то не русскому человеку по-русски, чтобы язык не прилипал к горлу.

Через минуту Йонас вернулся с самозарядным карабином. Про себя Матвей подумал: «Не хило!», а у того спросил:

– Откуда такой ствол?

...Прочитав на планшете: «Beretta», Italia», зашагал в сторону утёса печали и скорби. Он подымался на него редко – в этом нужды как-то не было, да события последних месяцев и, особенно дней, сами подводили к нему, причём, с разных сторон и всяко. Оглянувшись на Йонаса, увидел с ним красавицу Эгле с беспокойным взглядом. Подумал: вот и хорошо, что сама напросилась на разговор, а Матвей как раз решил сегодня положить край своим предположениям: кто они такие и какое отношение имеют к пришлым волкам, Шаману и Марте? Потому он и вёл странных и во многом загадочных супругов на утёс, чтобы именно там скорбеть о Налиме – здесь его нашли с перегрызённым горлом, и попытаться, наконец, разобраться в своих печалях, даже ему самому похожими на сумасшествие. Лёгкое такое – умопомеша-

тельство, но какое же тяжёлое в объяснении: не откуда, а зачем они, эти навязчивые мысли, за ним увязались, преследуя его с весны.

Поднявшись на плато утёса, все трое, вроде, как и забыли о том, что есть какая-то причина, из-за которой они здесь оказались. Вид озера завораживал спокойствием и необъятностью в сверкающей дали, тайга была также тиха и безбрежна. Эгле поднялась сюда впервые. Беспокойство больше не тревожило её взгляд, однако повязанный Вечностью на шее платок безупречности выдавал едва уловимым мерцанием внутренний диалог с собой. Наверное, она думала о Налиме, потому, может быть, и подошла к камню, на котором видела его сидящим, ещё живым, в последний раз. И тогда же, здесь и рядом с Налимом, она видела чёрного волка и слышала, как он что-то ему говорил на своём зверином языке. Но это «что-то» – непостижимое для кедрачей, таким оно и осталось до этого времени, а Эгле уже тогда понимала язык Шамана. Только как об этом скажешь, и кому, если немая...

В прицел карабина Йонас рассматривал берег Подковы, умывающийся в полдень, а Матвей, потирая заросшие скулы, туго соображал, как у нерусских, да ещё и немых, спросить о их причастности и к смерти Налима, и к появлению в этих краях Шамана с Мартой. Насчёт этих подозрений, о причастности, у него не было сомнений – Эгле околдовала Налима, и он видел – не слепой, что с ним творилось всякий раз после их ухода от Йонаса; и дом себе купили, почему-то ведь, поблизости от утёса; и Шаман с Мартой облюбовали именно это место...

– У-у-у... – Матвей сразу и не понял, что так к нему обращается Йонас.

Взяв из его рук карабин, успел подумать, что очень лёгкая эта итальянская «Beretta», заглянул в прицел – коленки дрогнули и будто шаманский бубен упал на голову. При этом он видел Марту, вжавшуюся в песок, и Лиса, приближающегося к ней на полусогнутых лапах с опущенной головой. Как вдруг Йонас подтолкнул в плечо и указал пальцем вниз, на склон утёса. Матвей сразу же навёл туда ствол – два воина стаи залегли в тех же кривых березках, где, как ему сказали, нашли его самого, без сознания.

Неожиданно сорвавшись с места, Йонас побежал вглубь плато, а Эгле в это время – во дела! – уже бежала в направлении тайги. Нагнав её на спуске, остановил, и свободной рукой стал подзывать Матвея. Планшет остался во внедорожнике, хотя спрашивали удивлённые глаза, и чем-то внезапно и очень взволнованная Эгле по-своему отвечала супругу: указывала пальцем, попеременно, то на тайгу, то на свое ухо.

Подошел Матвей.

– Чует шо-то..., – успокаивая дыхание, сказал он больше себе самому. – ...Ты Шамана слышишь? – спросил так, будто знал, кто там – в тайге.

Платок на шее Эгле всполохнул жёлтым светом.

– Одно кодро, бля..., – а шо я говорил?!

Матвей сделал шаг в сторону, навёл ствол на тайгу, но в прицел увидел лишь отблески красного цвета...

– Свали! ...Уйди, – прикрикнул он на Эгле, – я не собираюсь стрелять...

Эгле не двинулась с места, а Йонас, подбив в ту же минуту ствол карабина вверх, выдернул его из рук Матвея, так же умело, как и загнал патрон в патронник тем же самым, одним, движением руки.

«Полуавтомат!» – сообразил Матвей, дожидаясь пока Йонас с Эгле первыми ступят на скальную тропу спуска с утёса.

Прохлада Подковы уже студила их возбужденные лица, когда из тайги выбежал Шаман. Он приближался стремительно, неся в зубах что-то белое и писклявое. Позади него упруго семенила рысь, рябая от крапа. Эгле пошла им навстречу, словно ждала этого, Йонас последовал за ней, а Матвей даже не удивился тому, что, отойдя метров на пять, тот сбросил свой карабин в траву. Но Шаман, оббежав супругов, своим не иначе летящим движением нацелился на Матвея и тот запаниковал. Бежать не стал – просто не смог, только закрыл глаза и пригото-

вился снова – в Ад. Что-то ещё боролось в нём со страхом, но лишь до того момента, покада страх не лёг ему на кроссовки и не зашевелился... Этот же страх, спустя какой-то время, раздёрнул ему веки, вернув солнечный свет и дыхание – в ногах лежал и пискляво скулил рысёнок, но ни Шамана, ни Йонаса с Эгле нигде уже не было видно.

В очередной раз Матвея прострелила догадка: ещё поживёт, но теперь и он – в коdle! А глядя на то, как рысёнок волочит задние ноги в не зажитых ранах, даже знал, что ему теперь делать...

...Вернувшись домой, он грубо, но не со зла успокоил восторг жены Ульяны, когда она сразу же потянулась руками к рысёнку, точно к младенцу, какого им, в бездетный дом, принёс аист и передал через Матвея. Да и не привыкать ей к таким манерам своего мужа. Но и тени от восторга не осталось на её розовощёком лице, когда тот спросил голосом, не предполагающим возражений:

– Где бутылка с бабасиками?

И, хотя он знал, где прячет Ульяна трёхлитровый бутыль с деньгами, всё же спросил об этом – Ульяна вынесла его, и румяны с её лица тоже исчезли.

Вытряхнув на стол стопки денег, перевязанные красной нитью, согласно номиналу купюр, он, ничего не объясняя, разделил их на две части – одну часть рублей рассовал себе по карманам, а другую так и оставил на столе. А когда рысёнок напился молока, практически искупавшись в нём от жажды и дикой жадности, суетливо ушёл с ним, опять же, ничего не сказав.

Остановившись несколько раз, по пути к дому Йонаса и Эгле, Матвей, не похожий на себя приветливым добродушием, позволил детишкам подержать, немножечко, рысёнка в руках...

...От утёса ветер принес знакомый Лису громоподобный рык. Ненавистный ему с того самого момента, когда он услышал его впервые. И даже оттуда он ему угрожал. Это раскатистое рычание говорило ему ещё о том, что Шаман напал на воинов откуда-то сверху, а их ответный отчётливый визг, придушенный неожиданностью его атаки, что через минуту-другую стая лишится очередных двух взрослых волков. ...Раздался выстрел – короткий шипящий звук, а эхо – тут как тут: с болью одного из воинов!.. Значит, и двух минут не понадобится.

Лис кинулся на Марту – у него осталась одна, может быть, и две попытки, но теперь только её убить. Да он затянул с этим: волчица зашла в воду по грудь, и ждала его там. Передние лапы вожака, коснувшись воды, прогнулись и набежавшая волна окатила до самого хвоста, потушив в нём решимость. Чудовища, отобравшего у Лиса власть над озером, поблизости не было, да оно могло появиться в любой момент. И в озеро волчица забежала именно поэтому.

Задрав морду, Лис тягуче завыл. На его зов тут же отозвались воины – двое мчали к нему берегом, и один – из тайги, сзади. Только не добежав до своего вожака двух прыжков, все трое, заскулив, помчались обратно – от утёса, берегом, взрывая лапами песок нёсся Шаман. Заметив брата, Марта выбежала из воды и, швырнув своими задними лапами мокрым песком в морду того, кто застыл в нерешительности, помчалась навстречу своей звериной радости.

Лис остался один. Не побеждённый и в этот раз, но его власть над территорией ускользнула от него, точь-в-точь, как белая волчица: триумфально! Сражаться на смерть не входило в его планы. Он покидал озеро и берег, не торопясь и, тем более, не паникуя, а в тайгу вбежал с высоко поднятым хвостом, чтобы убежать никем незамеченным и не уличённым в победе...

...Йонас и Эгле застали Матвея, сидящим у них на крыльце. На коленях у Агне спал рысёнок. Не сговариваясь все засобирались – Матвей первым уселся во внедорожник, через минуту к нему присоединилась остальные.

Развернувшись, от утёса, «Крузак» мелко дрожал кузовом, а Матвею понадобилось немного времени, чтобы вспомнить кое-какие слова. И ещё немного времени, чтобы правильно выстроить из них смысловую цепочку:

– Едем в Тангар. ...Это километров сто отсюда. ...Знаю ...одного костоправа ...по зверью. Если нужно будет, я там останусь. ...Поехали!

...Возвращению брата Марта была рада. Шаман не противился её игривой радости, но свою сдерживал – запах Лиса определил ему путь и нужно было спешить пока дул встречный ветер.

Рысь была где-то рядом. Её никто не видел, даже Марта, а это – преимущество внезапности! На внезапность своего появления в стае Шаман и рассчитывал. А на таёжную кошку – тем более: уж она-то помнит, кто мучил и чуть было не утопил её едва живого рысёнка!..

Марта трусила за ними тайгой, не зная об этом, да за холмом могло лишь быть лежбище Лиса и его воинов, а холм с обугленным остовом осины она только что пробежала. Потому вздыбилась и накатила от хвоста до ушей её белая шерсть, морда оскалилась, а лапы будто ничего и не касались – сама тишина уносила волчицу всё дальше и дальше. В прыжке от неё бежал Шаман. Его вид угрожал всем, и это то, чего в нём не было раньше. Похожий и не похожий на себя прежнего, этим он немало удивил, но, вместе с тем, в нём не осталось покоя. Терзаемый, не понятно, чем, он буквально проламывал собой кустарники на пути, а свалы и валежник перепрыгивал так, будто научился летать. И для Марты он, действительно, научился этому за то самое время, покуда они были порознь.

Перьев горлиц и куропаток под лапами становилось всё больше и больше – значит, недалеко уже и логово стаи Лиса. Шаман и Марта разбежались на стороны, между ними, точно проросла из земли – рысь. Рыжевато-дымчатая она и днём, в чередующихся лучах солнца, была не видна, а кисточки на ушах – таёжные первоцветы, да и только!

К лежбищу стаи подошли с трёх сторон. На подступах к нему – ни единой живой души, оттого Шаман и Марта, сойдясь в центре поляны, остановились и завалились в траву: они опоздали – Лис увёл свою стаю чуть раньше.

На лай Шамана примчалась рысь. Пришло время с ней познакомиться Марте. ...Высокие ноги, сильное туловище. Короткая, плотная, ловкая. Голова небольшая, широкие желтовато-серые глаза, круглые зрачки. По бокам короткой морды – длинная белая шерсть. Эта белая шерсть и такая же на брюхе, украшенная не густым крапом – всё, что понравилось белой волчице. Да и рысь не подошла к ним ближе, чем приближалась до этого к Шаману, а Марта, заметив на брате не совсем ещё зажившие раны, и вовсе утратила к ней интерес.

...Вечерело, когда Шаман, поднявшись на утёс, расположился на привычном для себя месте и в привычной для кедрачей позе: на задних лапах, голова опущена, глаза закрыты. Давненько его не видели на плато. В артели поговаривали – ушёл в тайгу. А Игорёша так и вовсе лупил мамкины глаза и божился при этом, что хитрый и коварный Лис добрался всё же до горла чужака. Брехня, значит – и не то, и не другое! Так они сейчас думали: те из них, кто со двора видел чёрного волка живым и невредимым. Да никто и не верил в эти разговоры. Пришлыми волками с весны гудела вся округа, а это сотни километров от Кедр во все стороны. Да и центр посёлка мало-помалу стал перемещаться к утёсу. По крайней мере, сюда зачастили, как никогда до этого, и не только кедрачи. Болтали всякое. Увидеть Шамана – берегись недруга: где-то совсем рядом, увидеть Марту – бойся простуды или еще чего-то в этом роде. Болезни, словом, бойся. А если вместе их увидишь, да гонящимися друг за дружкой – скоро проблемы разрешатся сами собой. Только бы не выли – это плохо!

Тем временем Шаман, также привычно, уже вглядывался вдаль озера, но куда пристальнее, желая в этот раз видеть горизонт своих, тепер, владений: Подкова в середине, по одну сторону – посёлок, по другую – тайга. Прежний кесарь здешних мест, вожак Лис, сбежал и увёл

за собой стаю. Если бы не лобызания Марты на берегу, не жить ему вовсе, а так – опоздал Шаман на совсем немного. Стаю, в конце концов, разогнал бы, конечно, чтобы и духу её больше здесь никогда не было. Да и кедрачи ничем не лучше этой волчьей стаи – ещё не раз придется сорвать голос от рыка на них! Никого, кроме себя, не видят, ничего не слышат!.. Вон Игла, какой уж месяц выкидывает из озера на берег шук и окуней, ан нет: тайменя им подавай, или нельму – эти вкуснее. Может, потому и вкуснее, что не пожирают себе подобных. Да и деревья рубят, каким ещё расти и расти! И где рубят? ...Где земля корней просит... Разбери свалы – чем не строительный лес..., а зимой печи пали валежником – ага, спалят, ...если только – тайгу, этому их и учить не надо!

За событиями конца весны-начала лета Шаман забыл о своем уютном сне – он, рослый и крепкий подросток Станислаф, заходит, довольный и сияющий радостью, в бирюзовое море, а приятный голос с берега просит: «Сынок, не заходи далеко!..». Чей это голос, и что это такое, «сынок» – он не знает, но своего лица из сна, ещё мальчишки, не спутал бы ни с чем: открытое во взгляде, приветливое в неровном голосе, с коричневой крапинкой на кончике носа, с правой стороны. И голос, с берега, что волнуется заботой, тоже узнал бы сразу: одинаково нежный и строгий!

Подбежала Марта – она, по-прежнему, ещё скучала за братом. Но теперь и Шаман мог себя в этом не сдерживать. Он приподнял голову выше, чтобы сестра смогла присесть перед ним, и, прижавшись к нему холкой, ворчать, сколько ей захочется. ...Заворчала – сразу же, а он слушал эти чарующие грудные звуки, погружаясь, ...медленно, ...медленно ...в такой желанный безмятежный сон.

В полночь «Крузак» Йонаса упёрся светом фар в угол собственного дома. Эгле и Агне вышли из автомобиля, а до этого внедорожник покинул Матвей с рисёнком. (Долговязый костоправ из Тангара, бережно вручая ему обратно громко плачущий белый комочек, сказал в сердцах, что рисёнок на лапы обязательно станет, только нескоро. От денег за свою двухчасовую работу отказался наотрез, объяснив, сухо прощаясь, когда и как самостоятельно можно снять швы. С той самой минуты консультативного прощания Матвей рисёнка из рук больше не выпускал). Перед тем, как зайти в дом, платок на шее Эгле несколько раз вспыхнул жёлтым цветом, хотя рядом с ней никого не было. Шаман и Марта, на плато утёса, будто этого только и ждали – в пещеру взрослая рысь вползла последней, но расслабленной от короткого тихого лая кесаря перед этим ей прямо в морду...

От Автора.

Прожить земную жизнь – это нужно заслужить. Почему-то так повелось у людей, и на Земле в целом. Заслужить у Бога – тому, кто в него верит, у тайги – тем, кому она предоставила кров. Но что есть Бог без людей, а тайга – без зверья? Никто и ничто! А что есть человек без Бога, а зверь без тайги? ...Человек! ...Зверь! Отсюда, выходит, что человек живёт во лжи изначально – с той самой поры, как придумал себе объяснение себя же: раб божий. Но раб божий определил в себе и любовь, дав ей собственное толкование, определил, что есть добро и зло..., правда и неправда, белое и чёрное, да всему дал толкование! Только, разве, мог побеждённый верой в то, что он – раб, истолковать жизнь под себя, а не под того, кому он собственной жизнью прислуживал с того времени во всём? Не мог, оттого и свобода изначально стала ценностью, какую нужно ещё отвоевать и за которую платят исключительно кровью. ...Так человек и стал правдоподобием себя: морально-нравственной ложью в Природе, оттого в нём все его чувствования – притворство ума. Как ребёнок: подчиняя явь криком и слезами, живёт, играя, тем не менее, правдоподобием себя-разумного!

Непросто отказать в истинности суждению о том, что самое ужасное, что придумал человек, это – деньги, да ужаснее стоимости души, является то, до чего он, когда-то, додумался: грешен и мученик! А когда человек сам себя в этом убедил, его мозги заработали в режиме поиска альтернативы греху и мученичеству. Разве, ум – это грех и мука?! Потому зло и додумалось до моды на смерть, чтобы не прознал человек о своём бессмертии как на Земле, так и во Вселенной. А чтобы жить – не нужно умирать!.. Так как земной грех, если он и есть на самом деле, так это – смерть, тем более, в муках!..

Увы, зверь и птица ещё не готовы к притязательному проявлению земной жизни, поэтому их вопросы к себе – покамест, когти и клыки! И Шаман свои вопросы показал и оскалил, как человеку, так и тайге...

Глава вторая. Игла, ...в стогу на берегу, или – в душе утёса

Кабинет председателя поселкового совета Барчука был немаленьким, если не сказать – просторным: стол, ещё один стол, чуть меньше председательского, да два стула, один напротив другого по бокам, а к ним – пустота. Два окна, оба огромные и открыты настежь, и всё равно жарко и душно... Но от идеи – купить и установить кондиционер, ...нет-нет, об этом Владлен Валентинович даже не смел думать вслух – сама постановка вопроса о том, что необходимо закупить кондиционер в кабинет Барчука..., в нём самом вызывала лёгкую иронию, а уж для кедрачей – ну, чем не повод почесать языками.

Михаил к лету всегда добавлял в весе и сейчас страдал ещё и оттого, жутко потея, что в кабинете председателя находился не один. Дурно пахло сладким, а от кого – возможно, что и от него! Хотя на стульях у голых стен потели все: депутаты, руководители коммунальных служб, и всем тоже, похоже, дурно пахло – может быть, и от стульев, специально собранных для совещания со всего этажа краевого поссовета. Кто знает, чем их протирали перед тем, как сюда занести?!

Капитан Волошин уже несколько раз нарочито кашлял в сторону Владлена Валентиновича, да тот лишь морщил лоб и с усердием вчитывался в пояснительные записки по существу того, во что ему не верилось даже с преогромным трудом. А если в такое и поверить, как об этом доложить наверх?..

Председатель, чуть успокоив глаза от напряжённого и вдумчивого чтения, окинул присутствующих ещё блуждающим в сомнениях взглядом, и пару раз даже приоткрыл рот, намеренно, но слова были в нём где-то ещё глубоко-глубоко внутри... За свои пятьдесят пять такое он проживал впервые: ну, сказочная повестка дня организовалась, и всё тут! По-настоящему, сказочная: непонятно, как и откуда появившееся в озере чудовище разрывает в хлам рыбацкие сети, а пара пришлых волков установила свои собственные порядки посещения кедрачами тайги. ...Никакого оружия и топоров при себе! Глупость несусветная – понятно же, да двое мужиков, тем не менее, уже поплатились за пренебрежение этими незыблемыми правилами: чёрный волк обоим прокусил руки в ладонях. Этим утром, навестив посельчан в больнице, Владлен Валентинович видел собственными глазами эти двойные прокусы. А ведь зверь, Шаман этот, мог оставить их и без пальцев! Думай теперь, что хочешь, и главное: кто здесь краевая власть? ...Он, Барчук, здесь краевая власть, только ни посоветоваться с вышестоящим руководством, ни доложить так-то и так-то, мол, он не может – посчитают сумасшедшим.

– И что будем делать, господа хорошие? – вроде, как ко всем обратился Владлен Валентинович, но при этом задиристо уставился на начальника поселковой полиции. Капитан Волошин к этому был готов – ответил:

– Шаман – не дворовой пёс, а, следовательно, не имеет хозяина, какого я смог бы привлечь к ответственности за нападение на граждан Гутника и Бочарова, и причинения им физического увечья. Рыбина в озере – то же самое!..

– Ну, и?.. – не удержался председатель, так как от логичности капитана в нём закипала его же беспомощность, а от этого только становилось хуже. – А что гуртянские волкодавы?..

Капитан Волошин сокрушённо закачал головой, а на словах добавил:

– Никто из спецов на отстрел Шамана и Марты не соглашается. Вы, наверное, не знаете, что белая волчица...

– Да знаю, ...знаю я, капитан, по чину мне положено знать, что усыпила она спеца, Егора Лютого, на утёсе, да ещё следы от своих когтей там оставила инопланетные... Был я там, видел эти её знаки, чего только – не понятно! ... Что предлагаешь?

– С отстрелом волков мы опоздали. Раньше нужно было это сделать...

Игорёша, формальный лидер здешней молодёжи, до этого лишь видимый крепким молодецким телом, не усидел молча:

– И правильно..., что опоздали! – рыкнул он издали кабинета. – Может, вызовем китобоев? А что, – загарпунят меч-рыбу!.. А с рысью, ...рысью, что будем делать? А-а-а?! ...О, придумал: зоопарк откроем! ...Зырика в сумасшедший дом отправим? ...Из артели уволился, дома бывает, как говорит Ульяна, жена его, по великим праздникам, знай себе – на утёс только и бегаёт: к Шаману с Мартой!

Михаилу не понравился, и не только ему одному, дерзкий тон Игорёши, хотя к себе, такому: невыдержанному и дерзкому, он уже всех приучил... Бригадир лишь усмиряюще глянул в его сторону, после чего, подсев ближе к председательскому столу, заговорил. Голос был привычно тихим и беспристрастным, оттого тишина и спокойствие установились в кабинете сразу же, по привычке – громче не скажет. Михаил согласился с Владленом Валентиновичем, что ситуация непростая, тем не менее, поведение и рыбы-меч, и Шамана с Мартой не лишено смысла...

– ...Во-первых, рыбина выбрасывает на берег исключительно хищную рыбу, – бригадир стал загибать пальцы для убедительности уже сказанного. – Во-вторых, никого из кедрачей, кто ходил по ягоды и грибы, а также, кто собирал валежник, ни Шаман с Мартой, ни рысь не тронули. И, в-третьих: Матвей, понятно, не сумасшедший – с ним что-то произошло, что именно – этого мы не знаем. Только я полагаю, что с весны среди нас не стало больше Зырика, а это – хуже или лучше? И для него самого, и для нас?..

Мнение присутствующих было однозначным: лучше для всех, а уж, как Матвею – этого, кроме него самого, никто не знает.

– ...Вот и получается, что Игла, как её называет Матвей, против того, чтобы мы расставляли сети на промысловую рыбу, потому она и выбрасывает на берег самых коварных и прожорливых в озере: щук и окуней. Иное дело, что нас это не устраивает...

Теперь – дальше: в-четвёртых, на днях я узнал от старовера из Игнатовки, что в их поселении Шамана считают знаменем Господа. Ангелом Ада – ну, вроде того. Оказывается, недавно он загрыз там старика, стрелявшего в него, но убившего в результате тринадцатилетнюю девочку, ко всему ещё и ослепшую до этого, затем загрыз его младшего сына, который с братьями охотился на Шамана, а среднему и старшему сыновьям, обоим, прокусил правые руки в ладонях. Как и нашим: Гутнику и Бочарову. ...Прокусил! И на это обращаю ваше внимание...

– Погоди, погоди, Михаил Дмитриевич, – оживился председатель, – ты этим хочешь сказать, что этот... как его, ...Шаман, убивает умышленно, и также умышленно наказывает?

– ...И убивает, и наказывает, Владлен Валентинович – это вы точно подметили: умышленно, то есть, не как зверь!.. Есть ещё одна новость, в которую поверить всё равно, что согласиться с тем, что умом тронулся. ...Литовка Эгле, жена Йонаса, понимает лай Шамана, и об этом она каким-то образом сказала мужу, а муж, соответственно, мне. Буквально вчера я узнал об этом. Так что, без Матвея и Эгле нам не удастся ни понять, с чем мы имеем дело, ни что-либо предпринять, чтобы не стало только хуже...

Слова Михаила возымели действия: Барчук тут же отправил Игорёшу за Эгле и Матвеем и объявил получасовой перерыв.

Поручению председателя Игорёша был несказанно рад: как когда-то молодухи и даже старые бабы ходили глазеть на Налима, бывало – толпами, так с начала лета мужики посёлка, и деды тоже, зачастили к дому рядом с утёсом, и в оба глаза пялились на Эгле. Игорёша не видел Агне, а говорили, что она краше, чем её мать. Но если от вида взрослой литовки жгла изнутри бешеная страсть, тогда?!.. Вот это «тогда» и несло его на крыльях чувственного любопытства и азарта по жаркой, как и ожидание увидеть наконец-то чудо, улице.

...Взгляд лазурных глаз Агне показался Игорёше рассветом, о котором он прочитал, когда-то и где-то, и запомнил: ожидаемый в душе, но до поры до времени не видимый сердцем. И вот он, оказывается, какой – рассвет любви! Сердце видит то, что хотела видеть душа: чью-то будоражащую нежность!

...Вернувшись в поссовет, Игорёша уже мало что слышал из того, о чём продолжали говорить собравшиеся в кабинете Барчука. Он по-прежнему столбил своей врождённой дородностью угол кабинета, собою потеснив в этом углу привычную пустоту, не понимая лишь того, что потеснило её что-то в нём. Дать этому определение он ещё не мог, лишь чувствовал его власть над собой, с удовольствием подчиняясь, особенно, воспоминаниям об Агне.

Тем временем разговор ни с Матвеем, ни, тем более, с Эгле у Барчука не клеился. Не могли ему помочь в этом и Михаил с капитаном Волошиным, а Йонас сутки, как выехал из посёлка по коммерческим делам. Намучившись непониманием, обе стороны вынужденно расстались.

Михаил по просьбе председателя задержался.

– Мне и смешно, и страшно, ...веришь? – признался ему Владлен Валентинович.

Бригадир понимал состояние Барчука, но отмолчался. Ему самому – кто бы помог?! Из-за Иглы артель второй месяц подряд сработала на «неуд», а проблемы с лесозаготовкой только-только начинались! И объёмы кедрового ореха не беспредельны, к тому же орех – орехом, а муксун или хариус – эта рыба и в Африке... сибирские муксун и хариус! Ещё, как говорится, вчера нужно было решить вопрос с рыбой-меч, а у Михаила решения не было и сегодня.

На прощание пожимая руку председателю поссовета, он с грустью понимал, что уходит от него ни с чем. Поэтому, спускаясь пролётом скрипучих ступеней вниз, к выходу, знал, кто ему нужен и зачем – капитан Волошин, если ещё не уехал. Но начальник полиции и сам ждал бригадира в свой вишнёвой «Ладе-Калина».

До причала оба молчали, а заговорили лишь после того, как, покинув салон автомобиля, ступили на деревянный настил. Озеро дышало на них снизу, а тайга издали. Полдень томил, но ещё больше томила неоднозначность ситуации, в которой оба оказались: знали, кто рвёт и топит рыбацкие сети, оба несли ответственность за это, да только, действительно, кто в такое поверит? ...Чтобы обыкновенная рыбина, огромная – да, диковинная – да, но всего-то безмозглая меч-рыба, фактически и практически запретила кедрочам вылов из озера промысловых видов рыб?! Она, видите ли, сама ловит для них окуней и щук, выбрасывая их на берег ежедневно.

– ... Крайними всё равно будем мы, ...ну, я – это точно! – вроде, как, больше пожаловался капитан, докуривая жадно. – Не знаю, как тебе, Михаил Дмитриевич, а мне этот геморрой

не нужен – от собственного не нахожу себе места вторую неделю!.. Ты спрашивал, что делать – отвечаю без лишних ушей: вызвал я кое-кого, вот-вот подъедут.

– Кем они займутся? – не просто так поинтересовался Михаил.

– Всеми сразу!..

Игорёша Костромин едва сдерживал шаг, чтобы не бежать к дому Агне. В нём не было сомнений, а надо ли так спешить, к той, что лишь взглянула, улыбнувшись. Но улыбнулась, а улыбка – те же слова. И они Игорёшу согрели и обрадовали. Согрели надеждой – его не просто заметили, а радость и вовсе небывалая... А когда он намерено взял её руку в свои ручища, как бы прощаясь, их трепетность говорила: «До свидания!». И это же чувство в тот момент отрывало его, большого, сильного и тяжёлого, от земли; ему самому, ух, как хотелось, чтобы оторвало и забросило даже куда-нибудь – под облака или за облака, – но только с ней. ... И Агне будто бы знала, что Игорёша ушёл ненадолго и уже возвращается – сама вышла ему навстречу...

–

...Капитан Волошин, пригладив брови, словно они могли помешать ему каким-то образом пожимать руки троим крепеньким и сбитым в плечах мужикам, что он и сделал поочередно: пригладил брови – пожал руки. Михаил сообразил, что это и есть те самые, ...вызванные Волошиным люди. Чтобы занялись всеми, и сразу: очумелой рыбиной и Шаманом с его кодой, куда затесался с недавних пор и Матвей Сидоркин. И хотя в его памяти были свежи лица прежних троих спецов-волкодавов, сбежавших до полудня в тот же день, как прибыли в Кедр, эти, подкатившие к причалу на серебристой «BMW» уж совсем не были похожи на укротителей звериного беспредела: в молодёжных джинсах, в пёстрых рубашках на выпуск и в таких же, пёстрых, банданах, хотя каждому – под пятьдесят. «Стиляги!» – грустно подумалось бригадиру. Он было хотел уйти – толку-то от этих взрослых петушков..., но капитан, вроде, как прочувствовав скептицизм Михаила, успокоил:

– Ты же помнишь: встречают по одежке, а провожают!..

Только сейчас Михаил обратил внимание – мужчины очень похожи один на другого, практически – одно лицо. Скорее, братья-близнецы.

...В пахнувшей соляжкой каюте «Стрижа» было ещё и тесновато для пятерых, но на открытой воде, в движении, катер пару раз наклонило – то, сначала, вправо, то, после, влево, – после чего все пятеро определились со своими местами и положением. Волошин тем временем рассказывал о меч-рыбе всё, что ему было известно, блестящими глазами заручаясь в правдоподобии поддержкой Михаила, время от времени осмысленно поглядывая на него. О Шамане с Мартой рассказывали после вдвоём, не повторяясь. А вот о взрослой рыси ничего не сказали – так, несколько слов, потому что мало кто, вообще, её видел.

Братья, а трое коренастых мужчин и были ими на самом деле, ни о чём не спрашивали – прилежно слушали. Иногда переглядывались осмысленно, как и капитан с бригадиром. Они же, братья, и предложили покинуть тесную каюту, дав этим понять Волошину, что задача ими понятна и принимается к выполнению. Услышав, где Иглу чаще всего видели, попросили отвезти их туда: к утёсу скорби и печали. Михаил заодно сообщил им, что и Шамана с Мартой кедрачи видят здесь регулярно.

Невдалеке от утёса двигатель «Стрижа» заглушили. Один из братьев, сняв с себя одежду, нырнул в озеро. На его спокойной изумрудной поверхности он появился нескоро. И сразу же, из воды, крикнул:

– Похоже на то, что скала утёса полая. Я не стану утверждать это, но виден вход...

После этих слов, его братья тоже разделись и, спустя минуту, надолго ушли под воду вслед за ним. Капитан Волошин и Михаил в очередной раз переглянулись: может, близнецы и впрямь помогут!..

Катер продолжал дрейфовать и вскоре они увидели Шамана. Сама удача: как только братья поднялись на катер, Михаил сообщил им – если подымут головы, увидят одного из волков. Шаман, лежавший до этого на плато невидимым, принял позу, к которой приучил буквально всех: сел на задние лапы, склонив голову – будто понимал, что и эти... его хотят получше рассмотреть, а он и не против: смотрите и, заодно, бойтесь!

Братья не торопились увидеть того, кого нужно было пристрелить желательно первым и без лишнего шума. Но головы кверху не подымали не только поэтому. Потому и заговорили между собой вполголоса:

– Мне одному кажется, что на голову и плечи будто что-то давит?

– Нет, не показалось.

– Не могу голову поднять – вот это номер! ... Каменный взгляд, как и говорили...

А Шаман запоминал сбитых в плечах мужичков ...на одно лицо, улавливая в них своё внутреннее беспокойство. И когти на его лапах не просто так пороли под ним плато, а морда скалилась. В этом месте никто никогда не купался, а значит и ныряли, не иначе, под утёс. А там – вход в пещеру.

Капитан Волошин тем временем скомандовал мотористу отплыть от утёса. «Стриж» сорвался с места одновременно с гулом двигателя. Скользя по воде два десятка метров, катер чуточку притопило волной, он сел корпусом, а лишившись ускорения, остановился. Только Шамана уже не было на плато. Михаил с капитаном оттого заглядывали в лица братьев, да по тому, как те шарили по озеру, похоже, что их сейчас интересовала лишь рыба-меч.

– А почему... Игла? – спросил один из них, только подтверждая это.

Капитан, тут же, взглядом, переправил вопрос Михаилу, и тот ответил:

– До недавнего времени в артели работал Матвей Сидоркин, вот он и дал им всем имена... Сейчас он с ними... Со зверьём! Ну, а Шамана вы только что прочувствовали на себе – я ничего не придумал?!

Братья закивали, соглашаясь – точно: тяжеленный взгляд, если волк даже головы не дал им поднять.

– А это правда?.. – о чём-то ещё хотел спросить один из братьев.

– Правда, – не дав ему договорить, ответил Волошин, – у Шамана есть сестра, Марта, и она, действительно, усыпила охотника-волкодава весной. – Вы спрашивайте, спрашивайте, – явно занервничал капитан. – Хочу, чтобы вы также знали: у Шамана везде есть глаза и уши. В нашем посёлке – тоже. Как только он появляется, собаки прячутся, но не лают. Под ружьё всю тайгу поставил... Даже разведка своя есть – рысь у него для этих целей. Если думаете, мужики, что я того..., тогда прощаемся прямо здесь.

Но не капитан, ни, тем более, флегматичный Михаил на с ума сошедших абсолютно не были похожи. Наступившее молчание, как ни странно, сказало за всех именно то, ради чего встретились, и катер заскользил в сторону причала.

Оксана, рассматривая себя в зеркале, шурилась злостью и ненавистью. Злилась потому, что её очарование иссякло – так ей сказал на днях Игорёша, а ненавидела, причём люто, Агне, которую и она, наконец-то, увидела и оценила. Оценила, как соперницу. А признать само соперничество – значит, признать, что соперница не только стала реальностью, но и большой-большой опасностью потерять Игорёшу...

От одной только этой ядовитой мысли Оксану затрясло – не бывать этому! Она нервно поднялась со стула. Пригладив платье на широких бёдрах, подала вперёд грудь, округлую,

яблочками, но очень и очень большими: таких не бывает на ветках, оттого и сама Оксана – дал ей бог всего и по многу.

Игорёша снова не пришёл, хотя и обещал. И мобильный его не отвечал – телефон или разрядился, или выключен. Оксана не гадала по этому поводу – любое из предположений её оскорбило бы, но ждать любимого она продолжала.

Здесь, у школы, на баскетбольной площадке, она призналась сама себе, что любит Игорёшу, когда с такими же, как сама, увлечёнными им до слёз, любовалась высоким светловолосым одноклассником, игравшим в баскетбол. Он играл хорошо, только она – лучше. Он не знал об этом, потому что видел в ней лишь постоянного зрителя и болельщика, и Оксана этим воспользовалась: предложила себя для игры.

Игорёша, под два метра ростом, с маминными небесными глазами на изнеженном белом лице, согласился сыграть с ней, веселя себя и этим, да проиграл – тоже не маленькой ростом, и тоже с изнеженно белым лицом и извиняющимися перед ним за свою победу и восторгающимися побеждённым, одновременно, глазами. Ему тогда хватило ума это не только понять, но и оценить. А уж воспользоваться этим в свою очередь он сумел быстро – после второго проигрыша потребовав от Оксаны сатисфакции. Она, впервые услышав о сатисфакции, тоже сообразила быстро и выгодно для себя: отдала ему свои пылающие желанием сочные губы. ... Просто угадала, а Игорёша с того самого дня стал проигрывать ей с явным удовольствием.

Прождав ещё с полчаса, Оксана направилась к дому Агне. Почему-то ей казалось, что её возлюбленный там. И рада была ошибиться, да ещё с издалека дороги увидела своего Игорёшу и Агне. Он говорил ей что-то, перегнувшись через невысокий забор, а её повязанная на шее косынка пульсировала исключительно цветами ревности, хотя и было-то их всего-то два: жёлтый и красный. Эта ревность сжигала Оксану задолго до того, как она их заметила, но она же и подвела к ним – не провалиться же сквозь землю! Игорёша явно был рассержен её появлением, оттого она и заговорила невпопад...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.